

М. В. НИКОЛАЕВА

„История о Ярополе царевиче“ и сказочно-былинная традиция

Среди незаслуженно обойденных исследователями повестей XVIII в. обращает на себя внимание изданная В. В. Сиповским¹ „История о цесаревиче Ярополе“, дающая материал не только для постановки, но частично и для разрешения ряда принципиальных вопросов истории этого жанра.

На примере „Истории о Ярополе“ мы убеждаемся в том, как, с одной стороны, была сильна в XVIII в. традиция древне-русской литературы, и, с другой, — как своеобразно эта традиция воспринималась читателем нового времени, как далеко от простого „заимствования“ использование этой традиции в создававшейся новой беллетристике. В частности, перед нами проходит картина превращения старой „воинской“ повести в сказочно-авантюрную.

Не менее ясно показывает анализ „Истории о Ярополе“ процесс творческого освоения литературой устно-поэтического наследия. Устный эпос — сказка, былина — в сознании читателей XVIII в. оказывается непосредственным соседом книжной повести; в которую он, однако, не механически передает элементы своего содержания и стиля, а органически вливается в ее композицию.²

Автор „Истории о Ярополе“ — своего рода семейной хроники, рассказывавшей о царевиче Моафе, его сыне Ярополе Моафовиче, внуке Ярополе Ярополовиче и правнуке Викторе Ярополовиче (единственный список повести обрывается именно на жизнеописании этого правнука), — сосредоточил свое внимание на двух героях-завоевателях из этой семьи: Ярополе Моафовиче и его сыне Ярополе Ярополовиче.

¹ Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. 180—241.

² В отличие от проф. П. Н. Беркова (см. ниже его статью „О так называемых «петровских повестях»“), автор полагает, что повесть о Ярополе создана целиком в середине XVIII в., а не представляет собой вторичную переработку какой-то не сохранившейся повести XVII в., поэтому своеобразное восприятие „Александрия“ и русских сказок характеризует повествователя XVIII в., а не его предшественника XVII в.